

Глава 7. Призрачная картина (часть 7)

Цзян Ехун лишь вчера виделся с Мочжу-кэ. Тот и впрямь был не дурак выпить, но чтобы в разгар ночного ливня почтенный книжник, вместо того чтобы прикладываться к кувшину дома, угодил в придорожную канаву и захлебнулся в грязи? Это звучало слишком неправдоподобно.

Ехун перевёл взгляд на старосту и его свиту.

— Вчера мы с ним беседовали, и я никак не ожидал столь прискорбных вестей. Где тело? Я хотел бы взглянуть.

Староста замялся, бросив быстрый взгляд на спутников.

— Тело уже перенесли в похоронный дом. Он свалился в яму с жижей, вид у него... не из приятных.

— Ничего, я всё же посмотрю. Мы были едва знакомы, но долг приличия велит почтить его память.

Жун Жо печально потупился, и в его голосе зазвучала искренняя скорбь:

— У Мочжу-кэ был непростой нрав, но талант его неоспорим. Я лелеял надежду упросить его написать мой портрет, а теперь... всё напрасно. Старший брат Чу, я восхищаюсь его искусством. Давайте проводим его в последний путь, раз уж судьба свела нас в этой деревне.

Юноша выглядел настолько убитым горем, что даже Ехун на мгновение поверил ему, не говоря уже о старосте. Ехун внутренне изумился: «А парень не прост!» Впрочем, он быстро уловил по взгляду Жун Жо, что это лишь искусная игра, призванная усыпить бдительность деревенских.

Ехун тут же подхватил тон:

— И то правда. Жаль беднягу. У него были работы, которые мне приглянулись, я и сам подумывал о покупке. Небо поистине завистливо к талантам... Господин староста, позвольте нам повидать Мочжу-кэ.

Ло Чуньчжи вздохнул:

— Ступайте по этому склону вниз, направо — там и будет ичжуан. Книжных людей у нас в деревне по пальцам пересчитать, так что утрата и впрямь горькая.

— Примите наши соболезнования.

Цзян Ехун повёл Жун Жо вниз по косогору. Стоило дому старосты скрыться из виду, как он негромко произнёс:

— Не деревня, а какой-то склеп. Так и веет чем-то недобрим. Ловко ты его, А-Жо. Я бы и не сообразил, как ещё нажать на старика.

Жун Жо скромно улыбнулся:

— Пустяки, обычная уловка. Но вы видели их лица? В этой деревне явно творится неладное. Вчера Мочжу-кэ был полон сил, а сегодня — нелепая смерть в канаве. Странно всё это.

Они шли плечом к плечу. Ехун заметил странные таблички на дверях домов.

— А-Жо, присмотришь. У каждой семьи на воротах иероглифы.

Юноша кивнул:

— Заметил. У старосты — «Небо, Первый ранг». Здесь — «Земля, Второй». Дальше, полагаю, пойдёт «Сокровенное»?

— В точку, — хмыкнул Ехун. — Ты говорил, что деревня выстроена по канонам восьми триграмм. Теперь вот эти ряды: Небо, Земля, Сокровенное, Жёлтое... Местный обычай?

Жун Жо остановился и оглянулся назад. Дома стояли ровными ярусами.

— Смотрите, брат Чу. На самом верху — добротные дома из синего кирпича под черепицей. Слой ниже — каменные постройки. Прямо перед нами — глинобитные мазанки. А в самой низине, в яме — деревянные лачуги и соломенные хижины. Сверху вниз — идеальная лестница сословий. Вам не кажется это чересчур наглядным?

Ехун замер. Холод пробежал по его спине.

— Что же это за место такое?

— Пока неясно. Сначала осмотрим тело.

Деревня Девяти Семей была немалой — почти сотня дворов, — поэтому и ичжуан оказался внушительным. На дверях красовалось изображение Чжун Куя, а охранял это место уродливый карлик с тяжёлым, злобным взглядом. Жун Жо произвольно спрятался за спину Ехуна. Тот посмотрел на карлика столь сурово, что коротышка, ворча под нос, поплёлся в угол подметать пол.

Тело Мочжу-кэ было покрыто слоем подсохшей грязи, черты лица едва угадывались. Ехун взял обрывок ветоши и осторожно очистил лицо покойного. Приподнял веки — и отпрянул. Глазницы зияли двумя жуткими кровавыми дырами. Уши, рот и нос были забиты тиной, сквозь которую продолжала сочиться сукровица. Лицо исказила предсмертная гримаса боли. Участь несчастного была точь-в-точь такой же, как у Ли Фугуя и Лу Чана.

— Никакое это не утопление, — процедил Ехун.

Жун Жо, переборов брезгливость, раздвинул слипшиеся от грязи волосы на затылке покойного и вдруг замер.

— Брат Чу...

Ехун мгновенно склонился рядом:

— Что там?

Лицо юноши побледнело. Он указал на макушку Мочжу-кэ, где из-под кожи что-то медленно выпирало наружу. Ехун подхватил валяющуюся на полу щепку, переломил её пополам и, словно щипцами, вытащил из головы покойного нечто живое. Это был тонкий, длинный, багровый червь, напоминающий дождевого. Тело его было почти прозрачным, а внутри пульсировала жидкость, подозрительно похожая на человеческую кровь.

— Это ещё что за гадость? — Ехуна едва не вывернуло.

— Это гу, — прошептал Жун Жо, не отводя глаз от паразита.

Едва Жун Жо договорил, как червь в щепках Ехуна мгновенно растаял, превратившись в капли крови, упавшие на землю. Глава павильона брезгливо отступил.

— Гу? Что за гу?

— Не бойтесь, он больше не опасен, — Жун Жо старался сохранять спокойствие. — Если я не ошибаюсь, этот паразит родом из земель Мяоцзяна. Его называют «Бестелесным насекомым», обитает оно в подземных реках. Само по себе оно не слишком ядовито, но если смешать его яд с вытяжкой из кобры и хвоста жёлтого скорпиона, получится страшное зелье под названием «Грёзы наяву».

Жун Жо продолжал, и голос его звучал ровно, как при чтении трактата:

— Готовое снадобье выглядит как прозрачная чешуйка. Стоит ей соприкоснуться с вином — яд «просыпается». Он проникает в уши или нос жертвы, но действует не сразу. Человек впадает в

галлюцинации, а спустя полчаса умирает от внутреннего кровоизлияния. «Бестелесное насекомое», насытившись кровью, прогрызает путь наружу через темя и тут же растворяется, не оставляя следов. Убийство без оружия и улик.

У Цзян Ехуна волосы на загривке встали дыбом. Он покосился на кровавые пятна у своих ног, словно опасаясь, что они сейчас прыгнут ему в лицо.

— Как такая дрянь вообще существует? Значит, Мочжу-кэ отравили... Серебряная игла должна показать яд?

Жун Жо покачал головой:

— Нет. В том-то и коварство этого гу: он неуловим. Даже игла останется чистой.

Ехун стиснул зубы. Больше всего на свете он презирал тех, кто убивает исподтишка, ядами и заговорами.

— Значит, Ли Фугуй и Лу Чан погибли так же. Не ожидал, что ты так сведущ в секретах Мяоцзяна.

Взгляд Жун Жо на мгновение омрачился.

— Я немного смыслю в медицине и люблю читать старинные свитки... в этом нет ничего необычного. Брат Чу, если все трое погибли от одного яда, значит, это тщательно спланированная месть. Какая вражда могла связать их?

Цзян Ехун задумался.

— Приказчик из «Лавки Собирания Сокровищ» упоминал, что Деревня Девяти Семей — родные места Лу Чана. И Ли Фугуй, судя по всему, тоже местный.

— Ли Фугуй, кхе-кхе-кхе... — из дверного проема раздался хриплый, издевательский смех. Карлик-сторож стоял там, скаля щербатые зубы.

Ехун вздрогнул от неожиданности:

— Ты когда подошёл? Почему молчишь, как тень?

Жэнь Эрню уселся на порог, не переставая криво усмехаться:

— Это вы так увлеклись своим дохляком, что и грома бы не услышали.

Ехун пристально оглядел карлика:

— Как тебя звать?

— Жэнь Эрню. Ваш Ли Фугуй когда-то жил в нашей деревне, да только место его было в самом низу, хе-хе-хе...

— В самом низу? Что ты хочешь этим сказать?

Эрню прищурился, и в его взгляде светился недобрый ум:

— То и значит — в самом низу. Учёные, крестьяне, ремесленники, торговцы... Купец — он и есть последнее сословие. Грязь под ногами.

Было ясно, что карлик недоговаривает, но его слова подтверждали догадки Жун Жо о жёсткой иерархии деревни.

— Выходит, и Лу Чан из «нижних»? — спросил Ехун.

— А как же иначе? Наверху — господа, внизу — отребье. Так заведено.

Жун Жо почувствовал, что за этими словами кроется нечто большее, чем просто социальный строй. Деревня-восьмигранник, ранги по Небу и Земле, сословия... Всё это складывалось в зловещую картину.

— У Мочжу-кэ были враги? — продолжил допрос Ехун.

— Хм, этот-то? Мнил себя великим мудрецом, на всех свысока поглядывал. Гордец. Таких многие недолюбливают.

Ехун хмурился. Смерть трёх человек от одного экзотического яда — это не просто случайная ссора.

— Ты слышал что-нибудь о «Картине летящей небожительницы»?

Эрню на мгновение замер. Грязной рукой он неспешно почесал за ухом.

— Какая ещё картина? Не слыхивал. Мне работать надо, а вы кончайте тут глазеть.

Карлик подхватил метлу и принялся яростно мести пол, поднимая тучи пыли. Жун Жо

легонько потянул Ехуна за рукав:

— Брат Чу, он явно что-то знает, но не скажет. Давайте осмотримся в самой деревне.

— Идём.

Они покинули мертвецкую и направились к западной части поселения. Дома здесь стояли пугающе ровно, подтверждая теорию ярусов: Небо, Земля, Сокровенное, Жёлтое... А внутри каждого яруса — строгий порядок: Первый, Второй, Третий...

Ехун остановился на склоне, счищая налипшую грязь с сапог. Он посмотрел на окутанную туманом вершину Чуншань на севере.

— Пронумеровать людей, как скот на рынке... Жуткое место.

Жун Жо выглядел предельно серьёзным:

— Если бы дело было только в планировке... Боюсь, в этой деревне люди и впрямь разделены на высших и низших. Сторож сказал: «Торговцы — на самом дне».

Ехун присел на большой чистый валун — подъём по раскисшей тропе давался ему на удивление тяжело. То ли три года в могиле сказались на мастерстве, то ли сырость пробирала до костей. Зато Жун Жо дышал ровно, словно и не заметил крутого склона.

— Разберёмся, — выдохнул Ехун. — Вернёмся в город, поднимем архивы на эту деревню...

Договорить он не успел. За невысокой каменной оградой послышался шум осыпающихся камней. Ехун мгновенно вскочил и увидел лохматую голову — тот самый безумец Гао Ли, которого они встретили ночью.

— Стой! — крикнул Ехун, бросаясь в погоню.

Несмотря на хромоту, безумец удирал с поразительной быстротой. Перемахнув через забор, Ехун оказался в заброшенном дворе. Стены были выложены аккуратно, но жизнь давно покинула этот дом. Гао Ли юркнул за заднюю пристройку и припустил вверх по склону, заросшему вековыми кедрями. Ехун следовал по пятам, пока не наткнулся на руины обширной усадьбы. Хромой безумец скрылся внутри обветшалого здания. Похоже, здесь и было его логово.

Ворот давно не было, часть стен обрушилась, сад зарос бурьяном по пояс. Ехун почувствовал, как по коже пробежал мороз. Откуда в такой глуши столь величественные руины? Чья-то заброшенная обитель?

Он осторожно переступил порог. Тишина в поместье была гнетущей, звенящей, словно мир вокруг внезапно опустел. Ехун крепче сжал рукоять меча.

— Гао Ли...

Голос прозвучал неестественно громко в пустых залах. В главной гостиной потолочные балки прогнили, а пол был усыпан обломками черепицы. В левом крыле Ехун обнаружил небольшую залу, приспособленную под молельню. На алтаре стояла треснувшая курильница, полная свежего пепла — значит, здесь кто-то регулярно молился.

Ехун поднял взгляд и увидел в тени за статуей Будды испуганный взгляд.

— Гао Ли? Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Я — Чу Фэй, главный ловец из Люшаньмэнь.

Ехун медленно достал и показал свой жетон. Гао Ли осторожно высунул голову, раскрыл рот и издал лишь нечленораздельное «а-а-а-а». Только теперь Ехун понял: безумец был нем.

<http://bllate.org/book/17428/1653371>